

*Терапиано Ю.* Бунин о Чехове // Русская мысль. Париж, 1955. 31 декабря. № 841. С. 4-5.

# БУНИН О ЧЕХОВѢ

**Т**ОЛЬКО что вышедшая в Издательствѣ Чехова в Нью-Йоркѣ книга «Н. А. Бунин о Чеховѣ», напечатана с неоконченной и недоработанной рукописи покойнаго писателя — сказано в примѣчаніи от издательства.

По свидѣтельству В. Н. Бунинной (Вступленіе В. Н. Бунинной), с 1952 года, уже тяжело больной, Н. А. Бунин, в тѣ моменты, когда ему становилось лучше, «снова принимался работать и над своими книгами, готовя их к «посмертному изданію», — как он говорил, — и над Чеховым...» «Здоровье его все время слабѣло, он боялся — хватит ли сил? Но тѣм не менѣе с большим вниманіем он продолжал дѣлать замѣтки, перечитывать произведенія и письма Чехова».

В 1953 году Бунин получил воспоминанія Л. А. Авиловой и прочтя их, «твердо рѣшил «дописать» о Чеховѣ и написать о Л. А. Авиловой, которую всегда чрезвычайно цѣнил».

И в послѣдній вечер своей жизни Бунин работал над Чеховым: — «Около десяти вечера», — пишет В. Н. Бунинна в «Новом Русском Словѣ» от 21-го ноября 1953 г., — «...он попросил меня почитать письма Чехова», — чтеніе продолжалось до двѣнадцати ночи.

То, что Бунин не успѣлъ закончить свою книгу о Чеховѣ, — яв-

ляется огромной потерей для нашей литературы. — «В рукописи есть нѣкоторыя неточности и погрѣшности, которыя, вѣроятно, были бы устранены автором при окончательном редактированіи книги», — сказано издательством, — и все же, даже в таком незавершенном видѣ читатель, благодаря силѣ бунинскаго изобразительнаго дара Чехова чувствует, мѣстами почти что физическими глазами видит его, — так он очерчен.

И сам Бунин, со всем его темпераментом, острой наблюдательностью, отвращеніем ко всякой фальши и пышнословію, находится в таком согласіи с атмосферой Чехова. Это согласіе — не схожесть (и литературно они различны, Чехов мало оказал вліянія на творчество Бунина, его учителя — Тургенев, Толстой) отмѣчает М. Алданов в предисловіи к книгѣ Чехов и Бунин, пронесшіе на самой различной социальной средѣ, — «очень они, как люди, были непохожи друг на друга. И все-таки что-то общее было, помимо огромнаго таланта. Оба были необыкновенно умны, оба обладали рѣдким почти безопытным вкусом, цѣнили они в литературѣ одно и то же, восторгались одним и тѣм же, не любили одно и то же. Оба боготворили Толстого и холодно (Иван Алексѣевич и просто враждебно) относились к До-

стоевскому. Оба презирали то, что многіе критики начала нашего столѣтія называли «декалентщиной»... не любили пышных слов. Оба не очень интересовались философскими и религіозными вопросами и говорили о них рѣдко (между собой, вѣроятно, не говорили никогда). Обои были чужды люди такого умственнаго и душевнаго склада, как, напримѣр, Владиміръ Соловьев или С. Н. Груберкой. Представить себѣ Чехова или Бунина на кафедрѣ какого-либо философско-религіознаго общества просто невозможно».

Личныя отношенія Бунина с Чеховым начались в концѣ 1895 года в Москвѣ, гдѣ он познакомился с ним, а с весны 1899 года в Ялтѣ Бунин вошел в круг дорогих и близких Чехову людей. — «Здѣсь Бунин, который, к счастью, у меня бывает каждый день», — пишет Чехов О. Л. Книппер 20 февраля 1901 года из Ялты.

«В Москвѣ, в девяносто пятом году, я увидѣлъ человека средних лѣтъ, в пенсѣ, одѣтаго просто и пріятно, довольно высокаго, очень стройнаго и очень легкаго в движеніях. Встрѣтил он меня пріятливо, но так просто, что я, — тогда еще юноша, не привышій к такому тону при первых встрѣчах, — принявъ эту простоту за холодность, в Ялтѣ я нашел его сильно измѣнившимся: он похудѣлъ, потемнѣлъ в лицѣ; во всем его обликѣ попрежнему сквозило несущее ему изящество, — однако, это было изящество уже не молодого, а много пережившаго и еще болѣе облагороженнаго пережитым человеком. И голос его звучал уже мягче».

«У меня ни с кѣм из писателей

не было таких отношеній, как с Чеховым». — пишет Бунин, — «За все время ни разу ни малѣйшей неприязни. Он был неизмѣнно со мной сдержанно нѣжен, пріятлив, заботился как старшій, — я почти на одиннадцатъ лѣтъ моложе его, — но в то же время никогда не давал чувствовать свое превосходство и всегда любил мое общество».

Станиславскій рассказывает в своих воспоминаніях: «...Н. А. Бунин с необыкновенным талантом представляет что-то, а там, гдѣ Бунин, непременно стоит и Антон Павлович и хохочет, помирая от смѣха. Никто не умѣлъ смѣшить Антона Павловича как Н. А. Бунин, когда он был в хорошем настроеніи».

В концѣ 40-х, в началѣ 50-х годов, когда в Парижѣ слѣдалось возможным получать изданіе в свѣтъ своей Россіи тома «Писем А. П. Чехова», Бунин узналъ, как тепло писал о нем Чехов своим родным и близким.

Вот нѣкоторыя черты Чехова в передачѣ Бунина:

«Я спрашивал Евгенію Яковлевну (мать Чехова) и Марию Павловну:

— Скажите, Антон Павлович плакал когда-нибудь?

— Никогда в жизни, — твердо отвѣчали обѣ.

Замѣчательно».

«В жизни он также никогда не носился со своим «я», очень рѣдко говорил о своих симпатіях и антипатіях... но симпатіи и антипатіи его были чрезвычайно устойчивы и опредѣленны и среди его симпатій одно из первых мѣст занимала именно естественность».

«Злым Чехова я никогда не видел: раздражался он рѣдко, а если и раздражался, то изумительно умѣл владѣть собой. Холоден он бывал, по его словам, только за работой...» — «Садиться писать нужно тогда, когда чувствуешь себя холодным как лед». — сказал он однажды».

— «...А его сдержанность происходила из его великаго аристократизма духа и из его неустанныя стремленія быть точным в каждом словѣ».

«Постепенно я все болѣе и болѣе узнавал его жизнь, начал отдавать отчет, какой у него был разнообразный жизненный опыт... Въѣды тридцати лѣтъ написаны «Скучная исторія», «Тиф» и другія, поражающія житейским опытом его произведенія».

— «Он мало ѣл, мало спал, очень любил порядок. В комнатах его была удивительная чистота, спальня была похожа на дѣвичью. Как ни слаб бывал он порой, ни малѣйшей поблажки не давал он себѣ в одеждѣ. Руки у него были большія, сухія, пріятныя».

«У Чехова каждый год мѣнялось лицо».

\*\*\*

**ЗАМѢЧАТЕЛЬНО**, с какой свѣжестью воспріятія Бунин перечитывает произведенія Чехова и читает все, что можно было в послѣдніе годы его жизни достать в Парижѣ о Чеховѣ, с какой остротой полемизирует он — в отмытках на полях. — с различными авторами воспоминаій и литературовѣдами, с каким юмором, а иногда — с болью, отталкивается от всего фальшиваго и неправильнаго.

«Одна из лучших статей о нем принадлежит Шестову, который называет его безпомощным талантом». («Творчество из ничего». Петербург, 1908).

С Зинаидой Гиппиус — «Жизнь лица», Бунин, наоборот, совершенно не соглашается, считая, что и Гиппиус и Мережковский не поняли Чехова-человѣка и Чехова-писателя. Напримѣр, никакой статичности, Напримѣр, никакой статичности, которую усмотрѣла Гиппиус, в Чеховѣ не было, он вовсе не «гений неподвижности» или «нормальный человек и прекрасный писатель своего момента», как опредѣляла З. Гиппиус.

Ученые разсужденія профессора Биняли — «Творчество Чехова. Опыт критическаго анализа». Софійа, 1942, тоже полны сопровождающимися вопросительными знаками, являются вопросительными знаками, а иногда и болѣе опредѣленными пометками Бунина. Так, напримѣр, слова Биняли: «Лучшее, что есть у Чехова, было вынуждено ему уже в началѣ его творческаго пути лучшим, что есть у Тургенева», сопровождаемы: «Н. В. Ерунда. (Н. В.)».

С обычной своей безпомощностью, Бунин подчеркивает в других воспоминаніях, напримѣр, Т. А. Щепкиной-Куперник, банальности — «все это рассказы, написанные кровью сердца».

О воспоминаніях М. Горькаго «А. П. Чехов» сказано кратко: «Все фальшиво! Не хватило у меня сил дочитать. Н. В.».

Сильно отличается от Бунина ряд советских авторов, писавших о Чеховѣ, напримѣр, А. Котову — утверждающему, что «выступленіе Горькаго со статьей о рассказѣ Че-

хова «В оврагѣ», а позднѣе — с мемуарным очерком положило начало новому пониманію творчества Чехова». Со свойственной Бунину в таких случаях энергіей, на полях: «Нѣчто чудовищное по идіотской брехнѣ, по безстыдству! Н. В.».

Как было уже сказано выше, воспоминанія Авилловой, появившіяся в руки Бунина в 1953 году, явились главной причиной его рѣшенія снова написать о Чеховѣ.

Бунин прав, упрекая біографов и литературных критиков в отсутствіи довѣрія и просто — должнаго вниманія к воспоминаніям Л. Авилловой, — новой, неизвѣстной страницѣ в біографіи Чехова, его «большой любви», — трагической, заранѣе обреченной на неудачу. Страницы от 134 по 204 включительно, содержащія исторію любви Чехова к Авилловой и ея письма к Н. А. и В. П. Буниным уже послѣ революціи, с огромным интересом прочтут читатели. Исторію любви, на которую можно найти, да и то лишь при желаніи, неловкіе намеки в письмах Чехова к Авилловой, Авиллова раскрыла только послѣ своей смерти, при жизни она ничѣм не намекала о ней даже Буниным, которые были друзьями с нею в Москвѣ и помогали ей во время ея заграницных скитаній.

Для самого Бунина воспоминанія Авилловой явились совершенно неожиданным находкой. До того на вопрос: «Была ли в его (Чехова) жизни хоть одна большая любовь?» — он отвѣчал: — «Думаю, что нѣтъ. Но послѣ ознакомленія с воспоминаніями Авилловой, он принялся: — «Нѣтъ, была. К Авилловой».

Лидія Алексѣевна Авиллова, в дѣвичество Страхова, родная сестра толстовца, писательница-беллетристка, родилась в 1865 г., скончалась в 1943. С Чеховым она познакомилась 24 января 1889 года в домѣ ея зятя, редактора «Петербургской Газеты» С. Н. Худякова. В момент знакомства она уже была замужем и имѣла сына, затѣм стала матерью еще двух других дѣтей. Ея семейное положеніе и благополучіе Чехова, который не захотѣлъ ради своей любви, разрушить семью и отнять мать у дѣтей, с самаго начала сдѣлали эту любовь безвыходной.

— «В домѣ Чехова», — говорит Бунин, — «вообще не очень любил раскрывать свои души». Авиллова тоже не сказала никому про жизнь.

«Чувствую, что нѣкоторые спросят: а можно ли всецѣло довѣрять ея воспоминаніям? Лидія Алексѣевна была необыкновенно правдива. Она не скрывала даже тѣх отрицательных замѣчаній, которыя дѣлал Чехов по поводу ея писаній, как и замѣчаній о ней самой. Рѣшав женщина!»

Как вѣроятно, все званіе моего поколѣнія и, конечно, послѣдующих пореволюціонных поколѣній ни одной строчки беллетристики Авилловой и не читал, но воспоминанія ея написаны прекрасно. В них какое-то удивительное равновѣсіе между всеми событіями — внутренними и внѣшними, сдержанность и простота, даже какая-то дѣвическая стыливость. А в жизни, как свидетельствуют Бунины, она умѣла вести острый и острый разговор, не отста-

вая от такого собесѣдника, каким был Бунин.

«Сѣли за чайный стол. Я стала разсматривать нашу милую гостью, ея хорошо причесанную сѣдую голову, блѣдное лицо с внимательными сѣро-голубыми большими глазами... Меня поразило, как она непохожа на других писательниц своей скромностью, сдержанностью умѣем спорить и выслушивать собесѣдника». — разсказывает В. П. Бунин. «Кто знал Ивана Алексѣевича, как собесѣдника, знает его неистощимый юмор, но много юмора было и у Лидіи Алексѣевны. Было необыкновенно забавно слушать их разговор».

«Я хорошо знал Лидію Алексѣевну, отличительными чертами которой были правдивость, ум, талантливость, застенчивость и рѣдкое чувство юмора даже над самой собой. Почти ея воспоминанія, и я на Чехова взглянул иначе, кое-что по-новому мнѣ в нем пріоткрылось». — пишет Бунин.

А что бы написал Л. Шестов, что бы еще приписал он к своим словам о Чеховѣ за работой: — «Он постоянно точно в засадѣ сидит, высматривает и подстергает человѣческія надежды», если бы в 1908 году у него в распоряженіи были воспоминанія Авилловой?

Быть может, найдется когда-нибудь еще какія-нибудь письма Чехова к Авилловой, которыя дадут неоспоримыя доказательства правоты Бунина, но уже сейчас ясно, что послѣ Бунина «с воспоминаніями Авилловой біографам Чехова придется серьезно считаться».

Ю. Терапиано